

Щелк.

Сыту Яо положила трубку.

В её личном кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как падает игла. За огромным панорамным окном сияло слепящее полуденное солнце, но в этом помещении, обставленном с хирургической точностью и холодностью, не чувствовалось ни капли тепла. Воздух был пропитан густым, удушливым запахом антисептика.

Сыту Яо медленно развернула кресло в сторону шумного мегаполиса. Она была одета в безупречно выглаженный, белоснежный рабочий костюм, а длинные темные волосы, собранные на затылке серебряной заколкой, открывали изящный изгиб белоснежной, словно лебединая, шеи.

На её лице не дрогнул ни один мускул. В глубоких, как старые колодцы, глазах не отражалось ни единой эмоции. Казалось, весть о том, что Ань Жань плакала — новость, которую только что передал Чэнь Мо, — была для неё не важнее прогноза погоды.

Однако если бы кто-то сейчас взглянул на её руки, то заметил бы, как сильно она сжимает телефон. Её длинные, тонкие пальцы побелели от напряжения, а на тыльной стороне ладони вздулись бледно-голубые вены.

Плакала.

Её Ань Жань.

Её Ань Жань, такая же сладкая, как клубничный торт, и чистая, словно олененок.

На самом деле... плакала.

Более того, она так долго рыдала, прильнув к другой женщине.

Сыту Яо медленно закрыла глаза. В голове невольно всплыла та самая картинка, присланная Чэнь Мо с камер наблюдения. На ней её Ань Жань уткнулась лицом в объятия девушки по имени Тан Синь с раздражающе короткой стрижкой. Плечи Ань Жань мелко дрожали, она выглядела такой несчастной и такой... хрупкой.

А эта девчонка Тан Синь обнимала её, словно защитница, и даже поглаживала по волосам — по тем самым уникальным волосам цвета сакуры.

Это место... было позволено касаться лишь ей одной!

Визг!

Черное пламя, смешанное с яростью и ревностью, вспыхнуло в самой глубине души Сыту Яо, грозясь сжечь остатки её рассудка. Она резко открыла глаза: в её прекрасных омутах больше не было привычного спокойствия и сдержанности, лишь разрушительное, леденящее душу безумие и одержимость.

Её свободная рука, лежащая на столе, рефлекторно сжималась и разжималась.

Она изо всех сил пыталась подавить импульс. Импульс немедленно сорваться в ту кондитерскую и стереть эту помеху по имени Тан Синь с лица земли.

Да, стереть.

Так же, как она когда-то убрала того недалёковидного заместителя начальника управления культуры. Для неё избавиться от такой бесправной студентки, как Тан Синь, было проще, чем раздавить муравья.

Но... она не могла.

Взгляд Сыту Яо упал на открытую электронную фоторамку на столе. На снимке Ань Жань в репетиционном зале центра Юньдин обнимала виолончель Dupont, закрыв глаза в упоении от музыки. Это было фото, которое она украдкой сделала сама — её личное, самое драгоценное сокровище.

На фотографии Ань Жань была такой прекрасной, такой святой, словно ангел, не знающий земной пыли.

Если... если она позволит Ань Жань увидеть свою самую жестокую и кровавую сторону, если она причинит вред её единственной подруге прямо у неё на глазах...

Что та подумает о ней?

Она испугается, возненавидит, она... сбежит от неё навсегда.

При одной мысли об этом сердце Сыту Яо словно сжала невидимая рука, причиняя острую, удушающую боль.

Нет. Она не может так рисковать. По крайней мере, сейчас — нет.

Её Ань Жань ещё слишком хрупка и слишком... наивна. Она ещё не до конца привыкла к её

присутствию. Она словно птенец, только что пойманный в силки; любое резкое движение может привести к гибели.

Нужно... набраться терпения.

Сыту Яо глубоко вздохнула, заставляя тьму, рвущуюся наружу, отступить. Она снова взяла телефон и открыла подробное досье на Тан Синь, присланное Чэнь Мо.

Тан Синь, 22 года, студентка третьего курса факультета журналистики университета Наньчэн. Семья: отец занимается мелким бизнесом, мать — домохозяйка, достаток средний, связей нет. Социальные связи: простые, кроме Ань Жань, близких друзей нет. Характер: вспыльчивый, прямой, яростно защищает Ань Жань...

Взгляд Сыту Яо надолго задержался на последней строке. Затем уголки её губ медленно изогнулись в холодной, лишенной улыбки усмешке. Она подняла трубку внутреннего телефона и набрала номер.

— Это я, — её голос вновь обрел привычную холодную сдержанность. — Свяжитесь с деканом факультета журналистики университета Наньчэн. Скажите, что Фонд Сыту планирует учредить в их факультете стипендию для зарубежной стажировки.

На том конце послышался почтительный голос ассистента:

— Слушаюсь, госпожа. Есть ли какие-то особые требования к отбору кандидатов?

— Требований нет, — Сыту Яо смотрела на фото Тан Синь, и глаза её стали пугающе глубокими. — Этот кандидат утвержден заранее.

— Утвержден для... кого?

— Для студентки по имени Тан Синь.

— Понял, я немедленно займусь этим.

Повесив трубку, Сыту Яо бросила телефон на стол и глубоко откинулась в мягком кресле. Она закрыла глаза, массируя пульсирующие виски.

Отправить Тан Синь подальше, туда, куда Ань Жань не сможет дотянуться. Это была величайшая милость и уступка, на которую она могла пойти. Она дала Ань Жань шанс на непослушание, а той девушке — шанс выжить.

Отныне рядом с Ань Жань не будет больше «подруг», которым можно было бы пожаловаться или с которыми можно было бы сбежать. Она станет всё более одинокой и всё сильнее будет зависеть от неё. До тех пор, пока в её мире не останется никого, кроме неё самой.

От этой мысли на душе у Сыту Яо стало спокойнее. Она снова открыла глаза — безумие в их глубине было идеально скрыто, осталась лишь бездонная тишина. Она взяла другой документ, чтобы вернуться к работе — отчет о клинических испытаниях нового препарата для блокировки нервных импульсов, изобилующий сложными данными и профессиональными терминами.

Однако в её мыслях по-прежнему стояло заплаканное, разбивающее сердце личико Ань Жань.

Как она могла плакать из-за кого-то другого? Её слезы — самое драгоценное сокровище в мире. Каждая капля должна принадлежать... только ей.

Пальцы Сыту Яо бессознательно выводили на полях отчета одно и то же имя: Ань Жань. Ань Жань. Ань Жань.

С таким нажимом, что бумага вот-вот должна была порваться.

Внезапно она поняла, что больше не хочет ждать. Она не желает больше медленно, как в случае с варкой лягушки, проникать в жизнь Ань Жань и разрушать её сопротивление.

Она хочет увидеть её прямо сейчас. Хочет заключить в объятия, сцеловать слезы с её глаз, согреть своим теплом её холодное от страха тело.

Хочет сделать её... своей целиком и полностью.

Сыту Яо резко встала, сбросила белый халат, схватила висящий на вешалке черный плащ и широкими шагами направилась к выходу.

— Госпожа, куда вы? — ассистент поспешил следом. — Через полчаса у вас видеоконференция с немецкими экспертами...

— Отменить.

Сыту Яо не замедлила шага. Она бросила через плечо лишь два холодных, не терпящих возражений слова:

— Всё отменить.

Сейчас она хотела только одного — увидеть свою золотую птичку. А затем собственноручно надеть на неё те самые, заранее приготовленные, великолепные, единственные в своем роде... кандалы любви.

<http://bllate.org/book/20547/2052071>